

О. Мандельштам

* * *

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.

Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

* * *

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз – до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Osip Mandel'stam

Traduzione di Maria Pia Pagani

* * *

Alle tue spalle strette l'arrossare sotto la frusta,
L'arrossare sotto la frusta, il consumarsi al gelo.

Alle tue mani da bambino il sollevare ferri da stiro,
Il sollevare ferri da stiro e il legare corde.

Ai tuoi piedi delicati l'andare scalzi sul vetro,
L'andare scalzi sul vetro, e la sabbia insanguinata.

E a me il bruciare per te, nera candela,
Il bruciare, nera candela, e il non osar pregare.

[Estate 1934]

* * *

Sì, giaccio nella terra, a stento muovendo le labbra,
Ma quel che sto per dire, lo terrò a mente ogni scolaro:

Sulla piazza Rossa tutta tonda è la terra,
E il suo pendio si rassoda spontaneo,

Sulla piazza Rossa la terra è tutta tonda,
E il suo pendio è inaspettatamente ampio,

E declina giù – fino ai campi di riso,
Fin tanto che, sulla terra, è vivo l'ultimo schiavo.

Maggio 1935

* * *

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

* * *

Бежит волна-волной, волне хребет ломая,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске.
И янычарская пучина молодая
Неуспянная столица волновая
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
А с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты –
И яд разносят хладные скопцы.

* * *

Исполню дымчатый обряд:
В опале предо мной лежат
Морского лета земляники –
Двуискренние сердолики
И муравьиный брат – агат.

Но мне милей простой солдат
Морской пучины – серый, дикий,
Которому никто не рад.

* * *

Privandomi del mare, della rincorsa e del volo
E dando al piede l'appoggio di una terra forzata,
Cosa avete ricavato? Ottimo calcolo:
Non potevate appropriarvi di labbra che si muovono.

Maggio 1935

* * *

Corre l'onda con l'onda, infrangendo la cresta all'onda,
Scagliandosi verso la luna con la tristezza di uno schiavo.
E di giannizzeri giovane abisso
L'insonne metropoli di onde
Si torce, si dimena e scava una fossa nella sabbia.

Ma nell'aria tetramente ovattata
Di mura mai cominciate sembra di vedere i merli,
E da scale di schiuma cadono soldati
Di sultani diffidenti – in spruzzi, a pezzi –
E veleno distribuiscono freddi eunuchi.

Luglio 1935

* * *

Adempirò il rito di color fumo:
In disgrazia davanti a me giacciono
Le fragole dell'estate di mare –
Le corniole il doppio sincere
E il fratello di formiche – agata.

Ma mi è più caro il soldato semplice
Dell'abisso marino – grigio, rozzo,
Di cui nessuno è contento.

Luglio 1935

Le poesie sono tratte dai *Quaderni di Voronež* e fanno parte del *Primo quaderno* (aprile-agosto 1935). Una scelta di testi del *Secondo* e del *Terzo quaderno* trova spazio nel numero 72 di "Anterem" (giugno 2006), nelle traduzioni di Maria Pia Pagani e di Elena Corsino.